

Слово о друге

Вячеслав Богданов в своих стихах предстаёт перед нами человеком собранным, цельным и духовно содержательным, а как поэт — с безусловной одарённостью и редкой нравственностью, что и решает, в общем-то, судьбу художника: талант и воля к честности, к справедливости, к совестливости, к труду, положенному на порог отчей избы, земли русской.

Богданов был очень русским человеком и беспощадным поэтом русским был. Его не сомневаясь надо ставить в тот золотой круг русских авторов, рано и трагически распрощавшихся с жизнью, в

круг Дмитрия Блинского и Николая Андиферова, Анатолия Передреева и Николая Рубцова.

Сельский паренёк с Тамбовщины, он появился в 1953 году на Челябинский металлургический завод, где сформировались его взгляды на призвание. Вячеслав стал знаменитым поэтом на Урале, а погиб в Москве в 1975 году.

Рыжий берег травой окутан,
Здесь ничьи не остались следы.
Я не знаю, он взялся откуда,
Этот камень у чёрной воды.

Мы не можем и не сможем никогда указать пальцем, через какой чёрный камень «запнулась» и не перешагнула краткая стезя поэта, камней чёрных на пути не только русского поэта, но и русского народа — много, потому благодарим Вячеслава Богданова за сотворённое: оно прекрасно, искренне, оно — живое существо, то цветком расцветёт в душе у нас, то слезою матери русской очи нам освежит...

Вячеслав Богданов, друг мой первый, если бы он чуток пожил бы, пожил бы ещё чуток — ведь лишь приготовился,

лишь в полный рост поэта распрямился!..

Но он возвращается к нам светлый, русский, добрый и неповторимый, как его отчий край, как его Россия, родина наша, зовущая и лебединая.

Вячеслав Богданов — настоящий поэт. А настоящий поэт — гневный, но добрый, внезапный, но мудрый, трудный, но прекрасный!

Господи, ну береги его слово на путях грозных! Береги и дай простора ему.

Валентин СОРОКИН

Вячеслав БОГДАНОВ (1937 — 1975)

«Я работаю в цехе Россия...»

В синем цехе

Только утро разбрезжится синью,
Торопливо уйду со двора.
Я работаю в цехе Россия,
В синем цехе красы и добра.

Пусть дороги круты, словно годы.
Глубине поучусь у сохи.
Мне, рабочему парню завода,
Так нужны, до зарезу, стихи.

Петь так петь! Чтобы слабый с постели
Встал и небо подпёр головой,
Чтобы люди от песни добрели,
Заполнялись глаза синевой.

Но пока только вёрсты да вёрсты,
Да горит мой дорожный костёр,
Да летят полуночные звёзды
В голубые ладони озёр.

И дрожит молодая осина,
Что погреться пришла из костра...
Я работаю в цехе Россия,
В синем цехе красы и добра.

Родимый дом

Н.Тряпкину

К дверям забитым я зимой приеду,
Замочный ключ до боли сжав в горсти.
И улыбнусь хорошему соседу,
И попрошу мне клещи принести.
Я в дом родной вернусь

не блудным гостем!

И, как любовь,
Я ключ к нему сберёг.
И под рукой
Застонут длинно гвозди
И упадут, как слёзы, на порог...
И тишина мне бросится на плечи,
А голуби забьются под стреху.
Трубу откромлю в стыллой русской печке
И, словно память, пламя разожгу!
Где Бог сидел — снежок набила вьюга.
И, осмотрев на карточках родство, —
Я вместо Бога
Сяду в правый угол,
Огонь в печи приняв за божество!
Дыши высоким пламенем, солома!
Пускай деревня видит наяву,
Как мой поклон —
Дымок над отчим домом —
Всеми, чем я страдаю и живу!

Раздумье

Н.Рубцову

Эту жизнь я люблю,
Как вначале.
Ты веди меня, сердце,
Веди.
Тридцать лет у меня за плечами,
Сколько будет ещё впереди?
По дорогам ни дальним,
Ни близким
Не терял я впусую
Ни дня.
Видно, как беспокойною искрой
Наградила Россия меня.

Только трудно одно перенести мне,
Хоть в родные края не вернусь,
Я запел бы о городе песню,
Да деревню обидеть боюсь.
Ты, деревня, прости,
Дорогая,
Город стал мне хорошим отцом.
Я меж вами стою
И не знаю —
Ну к кому повернуться лицом?!
Чтобы жить мне, не ведая горя,
Чтобы сердце не рвать пополам,
Я хотел бы уральский мой город
Передвинуть к тамбовским полям.
По крови хлеборобов наследник,
По труду своему — металлург...
Только знаю, что в час свой последний
Мне в деревню захочется, друг.

Памяти поэта

И пускай я на рыхлую выбель
Упаду и зарююсь в снегу...
Всё же песнь отмщенья за гибель
Пропоем мне на том берегу.
С.А. ЕСЕНИН

Улеглась в гостинице гульба,
Жёлтый мрак качался в коридоре.
Как смогла ты,
Подлая труба,
Удержать такое наше горе?!
Не вино сдавило вдруг виски,
Не метель,
Что выла, словно сука, —
Это пальцы подлостей людских
Прямо к горлу подступили туго.
Спал подлец,
Напившись в кабаке,
Над поэтом зло набалагурясь...
Смертный миг...
Лёд треснул на Оке...
Только мать на всей Руси проснулась...
Что же ей почудилось тогда?
Может быть,
Взаправду увидала,
Как с небес
Горячая звезда
На крыльцо морозное упала.
И зажгла зарю в селе звезда.
Мать у русской печки суетилась.
По снегам глубоким,
Как беда,
Весть на санках к дому подкатилась.
Рухнул месяц с голубых высот.
И берёзы
В дымной круговерти,
Словно петлю,
Рвали горизонт
И стонали голосом бессмертья.

Во Владимире

С.Никитину

Здесь Русь моя на все четыре стороны
В зелёной вьюге
Вешнего огня.
Зубчатыми лобастыми соборами
Устало смотрит древность на меня.

Пусть опустели башни колокольные,
И ржавь легла от вековых ветров.
Но слышу я: идут на битву воины
Под перезвон седых колоколов.

Лежат равнины,
Росами омытые,
И Русь моя огнём озарена.
Дрожит земля под конскими копытами,
И на крестах распята тишина.

Я слышу гром
И стон за перелесками,
А у Кремля
Рыдающий народ.
О, дайте мне
Доспехи князя Невского
И верный ключ
От Золотых ворот...

Стог

— А кой тебе годик?
— Шестой миновал.
Н.А. НЕКРАСОВ

Тяжёлый год. Нетопленная печь.
Глухая ночь,
А в доме — ни полена.
Над стогом месяц высится,
Как меч.
Крадусь в степи,
Как будто бы из плена.
Огонь в избе объездчика потух...
И не страшны мне ни погост,
Ни волки...
Лишь скрип салазок напрягает слух,
Торчит стерня,
Острее, чем иголки...
Я стогу в бок вогнал железный крюк,
Обучен рано ремеслу такому...
Но только стог упряма,
как жадный друг,
Мне по ключочку выдавал солому.
И дёргал я солому сколько мог,
Искал места, где легче подступиться.
Вгонял я крюк.
И, оседая, стог
Стонал в ночи,
как раненая птица.

И я, мальчишка десяти годов,
По-взрослому,
Совсем не без опаски,
Между чужих запутанных следов
Тянул домой с соломою салазки.
Такая даль искрилась впереди!
Такие звёзды крупные сияли!
Хотелось всю деревню разбудить,
Но брёл тайком,
Чтоб люди не видали...
Я отдохнуть присел на буторке, —
Спасителем от всех морозных бедствий
Колхозный стог виднелся вдалеке,
Раздёрванный кругом,
Как наше детство.
Я это всё запомнил и сберёг.
И сердце оттого не каменеет...
И душу мне,
Как тот колхозный стог,
Никто вовек раздёргать не сумеет!..

Я живу

Я живу на озёрном Урале,
Ты живёшь на великой реке.
От моей полуночной печали
Почернело кольцо на руке.

Упаду, как ослепшая птица,
Путеводной не видя звезды.
Из какого резного копытца —
Выпить мудрость волшебной воды?

Доживу без любви и без ласки
И тебя никогда не дождусь.
Всё равно, как царевич из сказки,
Я однажды тебе пригожусь.

Ты очнёшься, но будет уж поздно,
Слишком жизнь у людей коротка.
Укачает упавшие звёзды
Голубая речная тоска.

Вера

Сын земли российской по закону,
Приучённый с юности к труду,
Я, военным детством закалённый,
По деревне с песнею иду.

Тем, кому по сердцу мое пенье,
Тот со мною рядом становись!
Пусть слова бросают,

как каменя,
Нытики, не верящие в жизнь.

Я вовеки песню ту не брошу.
И пойду, уверенный, в дела,
Как идёт разгневанная лошадь,
Закусив стальные удила.

Скорость

Мчит земля, словно конь, ошалело,
Натянули поводья века.
И от скорости — пеною белой —
Отлетают с боков облака.

Как угнаться за скоростью света
По незримым донные следам?
Мы устали от внешнего цвета
И тоскуем по зрелым плодам...

Зреют звёзды, как яблоки, споро.
Протянули к ним руки века...
Ты, Вселенная, — сад за забором,
Мы — соседские дети пока!..

